

Усопшему же рабу Божию, собрату нашему священно-протоіерею Василию воздадимъ послѣдній нашъ христіанскій долгъ, помолимся всѣ, чтобы Господь Богъ помиловалъ его и простилъ ему вся согрѣшенія, чтобы учинилъ душу его, гдѣ всѣ праведные покоятся, чтобы упокоилъ его въ мѣстѣ злачнѣ, въ мѣстѣ покойнѣ, отнюду же отбѣже болѣзнь, печаль и воздыханіе. *Прот. А. Урбановъ.*

ПИСЬМА ПЛОМНИКА.

ПИСЬМО СЪ ПУТИ СЕДЬМОЕ.

Аѳонъ.

Для путешествія на вершину Аѳона мы должны были употребить ночь и утро, чтобы на подъемъ въ гору по возможности избѣгнуть палящихъ лучей дня. Время послѣ обѣда до ночи, слѣдов., оставалось свободнымъ. Пригласилъ я о. Г. пройти со мною по монастырю мѣстами, гдѣ есть растительность, чтобы составить гербарій съ мѣстной природы. Невыносимый полдневный жаръ заставилъ насъ присѣсть подъ тѣнію громадной смоковницы.

— Скажите пожалуйста, о. Г., какіе это у васъ на Аѳонѣ новые мученики: Евѳимій, Акакій и еще двое другихъ, которымъ воздается поклоненіе? По какому случаю и къмъ они замучены? — вѣроятно вы знаете это событіе настоящаго вѣка (1814—18 годовъ).

— Они сами пожелали пострадать во славу Божию, отвѣчаетъ мнѣ о. Г.

— Вѣроятно былъ случай къ тому?

— Совѣсть тревожила ихъ сильно. Одинъ въ юности своей впалъ въ тяжкіе грѣхи и потурчился, другіе по принужденію отрекались отъ Христа. Послѣ въ раскаяніи хотя и поступили въ монастырь, но совѣсть ихъ все мучила. Тогда духовникъ и старцы аѳонскіе внушили имъ пострадать за Христа Спасителя для искупленія своей вины.

— Зачѣмъ такая жестокость? Господь не требуетъ отъ насъ такой жертвы для очищенія грѣховъ.

—он— Ихъ насильно не влекли на казнь, — они сами нашли ее за Христа.

— Случай къ тому былъ?

— Сами они облеклись въ турецкую одежду, какъ прежде были въ ней, и отправились съ Аѳона въ Константинополь. Тамъ явиться только, бывало, къ градоначальнику или другой власти съ крестомъ въ рукахъ и сказать: „Я былъ магометанинъ, а теперь прокливаю вашего Магомета, Христа же исповѣдаю, яко Бога“, — то и голову долой. Это было прежде; теперь турки боятся нашего русскаго посольства, а въ прежнія времена они насильно брали у христіанъ дѣтей и дѣлали съ ними, что хотѣли. Изрубить гяура имъ было ничемъ. Тогда и христіане-то мало боялись смерти...

Припомнилось мнѣ на этотъ разъ мѣнѣе Епископа Порфирія Успенскаго, которое онъ составилъ, относительно вольнаго мученичества, послѣ своей бесѣды съ митрополитомъ Филаретомъ „Кончина страстотерлицевъ“, говорилъ онъ со словъ знаменитаго сего святителя, „была доблестная, ознаменованная ихъ геройскимъ мужествомъ, при помощи Божіей, и такую непоколебимую рѣшимостию на самопожертваніе ради Христа, какую могутъ породить только вѣра, надежда и любовь къ Нему. Все это величественно, въ высшей степени нравственно и внушительно. Мучениколюбивый энтузіазмъ всего греческаго народа проявился въ немъ нелегкомысленно и не по наученію греческихъ монаховъ: вѣтъ, это былъ геройскій отвѣтъ тираніи турецкихъ султановъ. Греки на мѣстахъ кончины мучениковъ *не говоря* говорили туркамъ: не поколебать вамъ нашей вѣры во Христа; не стереть вамъ веѣхъ насъ съ лица земли; если мы умѣемъ умирать героями, то съумѣемъ и жизнь нашу и дѣтей нашихъ защитить отъ васъ; кровь мучениковъ возопіетъ къ Богу и будетъ отмощена Имъ“ (Первое путешествіе въ Аѳ. мон. ч. 1, отд. втор. стр. 340).

Между прочимъ гербарій составленъ. Взялъ я слѣдующія растенія, уложивъ ихъ листья или вѣтки въ книгу: арій, кипа-

ришь, кедръ, ливанъ, лавровое, платанъ, смоковницу, — это все, огромныя деревья; красное дерево, эвкалиптусъ, грецкое орѣховое, черного перца, персиковое, маслину, шампигъ и нѣсколько другихъ, между прочимъ регалиеву травку, изъ которой добывается прекрасное душистое масло (травка въ родѣ нашей мяты или васильковъ). Потомъ зашли въ монастырскую библиотечку; тутъ и магазинъ разныхъ произведеній искусства и природы аеонской. Побывали въ больницѣ; при ней церковь и аптека съ фельдшеромъ-монахомъ. Больныхъ было человекъ пять изъ братіи. — Спаси васъ Господь и благослови добрымъ здоровьемъ. — Гдѣ, братецъ, родина ваша? обращаюсь къ больному, — онъ лѣтъ за 30. — Пермской губерніи.

— Не жалѣете, что зашли такъ далеко на чужую сторону?

— Не жалѣть, а благодарить надо Бога, что я грѣшный на Св. горѣ. Здѣсь и умереть — такъ не страшно (кашляетъ). Отцы наши помолятся...

— Вѣроятно есть у васъ въ Россіи родные?

— Матери нѣтъ, а братья, сестры — что мнѣ! Забыть бы мнѣ ихъ совсѣмъ; все бы забыть, что тамъ есть. Объ этомъ молось Богу... Краска слегка показалась на болѣзненномъ лицѣ больного. Я сочелъ за лучшее обратиться къ другимъ уже не съ любопытствомъ, а только съ братскимъ привѣтомъ.

Съ закатомъ солнца мы на баркасѣ поплыли изъ монастырской гавани берегомъ къ тому мѣсту на оконечности полуострова, гдѣ начинается подъемъ на верхъ горы. Вечеръ прелестный, и ночью такъ тихо, такъ свѣтло при полной лунѣ. Прѣхали *Дабну*, *Григоріатъ* и другой греческій монастырь *Донисіатъ*, извѣстный строгостью монашеской жизни, *киновію св. Павла царевича*, *скитъ св. Анны*, матери Пресв. Дѣвы (здѣсь хранится правая стопа Праведной, занесенная сюда изъ Палестины во время Хозроевыхъ опустошеній). Обитатели ютятся на высотахъ береговыхъ горъ; видимъ ихъ при свѣтѣ луны. Видимъ даже и отшельническія Карули. Тамъ высоко въ отвѣс-

ныхъ голыхъ скалахъ келліи ихъ едва замѣтны. Въ обителяхъ мелькають огоньки, какъ звѣздки,—это полуночная келейная молитва у иноковъ; и намъ въ лодкѣ хочется молиться. Вѣрно, что души людей говорятъ межъ собой: мы все единодушно пожелали проѣхать всенощную. — У карули гигантскія горы стѣною опускаются въ море. Въ одной изъ скалъ откуда-то сверху виситъ корзина надъ водою: въ нее проѣзжающіе кладутъ хлѣбъ и другія жертвы для существованія карульскихъ отшельниковъ. Проводникъ нашъ о. Г—ій сообщилъ намъ, что первый выкопалъ себѣ келлію въ этихъ горахъ покаявшійся разбойникъ, по благословенію великаго аввы препод. Аѳанасія. Наконецъ баркасъ нашъ присталъ въ пустынномъ мѣстѣ, гдѣ можно на берегъ сойти. — «Отсюда пойдемъ въ гору», сказалъ о. Г—ій.

Было уже около 2 часовъ пополуночи. Мѣсяцъ и звѣзды будто ласкають насъ — горятъ полнымъ свѣтомъ. Пріятная прохлада; а воздухъ — дышимъ на ходу полною грудью, какъ будто пьемъ его.

Подниматься начали съ перваго шага отъ берега. Сначала путь нашъ былъ съ правой стороны оврага, который пошелъ вглубь горъ, а тамъ далѣе развѣтвленія его; нашъ подъемъ зизгагами лавировалъ отъ пропастей и крутояровъ. Осторожно идемъ одинъ за другимъ тропинкою; мѣстами она торная, — это между деревьями и кустами, которыя покрываютъ удолия, уступы и склоны горъ, а большею частію — съ камня на камень вверху. Есть мѣста, гдѣ и тропы не замѣтно: она между глыбами гранита, гдѣ онъ цѣлою скалою свалился съ вершины и на уступѣ разбился. Тутъ куски его острыми ножами устилають путь; только съ большею осторожностію можно прошагать эти мѣста. Недаромъ первая и послѣдняя треть пути до вершины совершается пѣшкомъ; на мулахъ можно ѣхать только средину пути — верстѣ 7. Хорошо, что особенно трудныхъ и опасныхъ переходовъ немного на всемъ пути. Но осторожность, бодрость и еще твердость ноги безъ того постоянно требуется.

Восходимъ все выше и выше. Море давно скрылось за горою позади насъ. Показались было огоньки келлій о. Веніамина гдѣ-то высоко и будто близко, — тамъ нашъ отдыхъ, но опять долго ихъ не видно. — Дорога становится по плоскогорью густымъ лѣскомъ, куда не проникаетъ лунный свѣтъ. Тропу свою мы потеряли... Идемъ, пока возможно итти. Смотримъ: огорожа предъ нами; далѣе — некуда. «Слава Богу!» — воскликнулъ о. Г—ій, приглядѣвшись къ огорожѣ и мѣстности, «это Веніаминская». Повернули немного назадъ и нашли лазейку чрезъ каменную загородь. — Слышимъ лай собаки; на сердцѣ стало такъ легко! Заря едва занималась (около 4 часовъ утра), когда намъ отворили ворота обители.

Братія оказалось въ ней 10 лицъ, и всѣ уже за дѣломъ. Одни отправляютъ утреннее богослуженіе, другіе на маленькомъ дворѣ, предъ окнами келлейной церкви, молотятъ цѣпами хлѣбъ. Благослови Господи обитель сію! Какъ она дорога для путника въ этой пустынной труппѣ. Мы изнывали отъ жажды, какъ чрезъ нѣсколько минутъ явился на столѣ самоваръ. Вскорѣ мы уенули — чуть не съ стаканомъ чая въ рукахъ. Я поутру — когда всталъ — только увидѣлъ, что спалъ на жесткой отшельнической постелѣ и въ подушкѣ комъ чего-то не мягкаго. О. Веніаминъ доставилъ намъ не только покой, пищу, а даже и осликовъ на 7-ми верстное поприще *). — Въ 8 часовъ утра, послѣ обѣдни, братія проводили насъ со всею любезностію и подобностію. Это второе поприще мы тоже шли, но большею частію шагая на чужихъ ногахъ. Одно только мѣсто — версты на полторы должны были сойти съ осликовъ: слишкомъ трудные лазы по камнямъ. — «Остановимся», послышался голосъ о. Г—ія

*) Конечно мы за все заплатили по своему соображенію, хотя сами иноки никогда за помѣщеніе и столъ не спрашиваютъ. Они берутъ тогда, когда даютъ имъ, какъ жертву. Цѣну опредѣляютъ только за осликовъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, гдѣ сами разчитываются наличными. Бѣдные обители принимаютъ и милостыню, но не для себя только, а вмѣстѣ и на приемъ паломниковъ. Ихъ нерѣдко снабжаютъ и обувью и другими предметами необходимости.

вперед; «подъаонье здѣсь оканчивается. Отдохнуть надо; потомъ благословите восходъ на верхъ св. горы».

Мы спѣшили и присѣли на камняхъ, которые въ мѣстахъ отдыха называли сѣдалищами: лучше кресель намъ казались эти камни, когда сѣдлись на нихъ. — Поднимаемся тяжело, съ болью въ ногахъ. Пронѣли: *Отче нашъ*... благословились и пошли вверху крутою тропой, которая извиается тутъ до самой вершины. На подъаоньѣ былъ кое-гдѣ лѣсокъ, даже елки и сосенки всгрѣчали, только далеко не въ томъ величьи, какъ въ Россіи, а тутъ — выше ни кустика. — Половина 10-го часа; солнце начинаетъ печь, но чѣмъ выше, тѣмъ жаръ слабѣе, а гдѣ повѣтъ чуть вѣтерокъ, то и прохладно. — Усталъ, изнуреніе наше усиливается; есть уже отсталые. Надо было чаще садиться, — и радъ отдыху: упадешь на камни, какъ попало. — Вотъ она, вотъ вершина! Еще одинъ станъ, и — тамъ... Однако, она будто уходитъ отъ насъ. Да ужъ дойдемъ ли мы когда нибудь? Въ тотъ же моментъ сердцу разумъ отвѣчаетъ: сейчасъ дойдемъ. И — наконецъ дошли! «слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ!» воснѣли мы, когда всѣ поднялись на темя горы. Вдругъ стали мы выше всего видѣнаго въ поднебесной, а виды кругомъ, душу возвышающіе и до глубины умилюющіе. Нигдѣ, никогда не испытывалъ я того чувства, какъ тутъ — на шпилѣ Аѳона, гдѣ онъ выше облаковъ. Было это около 12 часовъ дня 22 іюня. Требовалось немедленно принять предосторожность отъ простуды: сырое бѣлье на себѣ смѣнили на сухое шерстяное и пріодѣлись: вѣтерокъ съ моря чуть дунеть, и уже холодно.

Вошли мы въ убогій *храмъ Преображенія Господня*. Цѣлая половина его на востокъ выдолблена въ бѣлой мраморной скалѣ на самой вершинѣ, а другая половина выложена изъ нетесанныхъ кусковъ этого камня. Маленькій алтарь отгороженъ четырьмя иконами, выбитыми на мѣдныхъ листахъ, — онѣ тускнѣютъ до зелени отъ сырости. Въ передней стѣнкѣ — въ скалѣ небольшая ниша, гдѣ можно поставить священ. сосуды, — это св. престоль. Есть въ храмѣ два плохенькіе подсвѣчника, кадило съ

углями, и больше ничего: Св. антиминосъ и другія принадлежности богослуженія приносятъ тогда, когда здѣсь служатъ. Мы совершили молебное пѣніе Спасителю и Божіей Матери, съ величаніемъ Преображенію Господню, и цотороились выйти изъ храма: въ немъ слишкомъ холодно для насъ.

Около храма цистерна, въ которую съ кровли за осень и зиму натекаетъ столько воды, что достаетъ ее посѣпителямъ на все лѣто. Вода чистая, холодная и вкусная. — Отлогая кровля храма изъ мѣстнаго плитняка завершаетъ конусъ превыспренней св. горы. Обойти его кругомъ три минуты достаточно, но сколько въ эти минуты передумается, переживуется. Но будемъ смотрѣть спокойноѣ.

По сторонамъ вершины плаваютъ вѣзус острова, а на востокъ и сѣверъ безпредѣльное море. Тутъ около крайней скалы опасно стоять: надо прилечь или сѣсть, — и смотрѣть. Подъ нами — бездонная пропасть; въ ней откуда-то снизу торчатъ острые утесы. Магаютъ они въ свою бездну, хочется подвинуться — ближе разсмотрѣть, что тамъ, но робость охватываетъ всего. Живо обрисовался мнѣ рассказъ монаха, какъ одинъ, собирая здѣсь цвѣточки иммортели, оступился и пропалъ. А тамъ за пропастью опять утесы разныхъ формъ до моря, гдѣ бездна бездну призываетъ. Дико и величественно. Однако видимъ — иноки и здѣсь устроили себѣ нѣсколько обителей. — Перейдемъ на западную сторону, къ дверямъ церкви. Здѣсь можно спокойно любоваться всеѣмъ полуостровомъ и окрестностями его. Къ нашему удовольствію не было подъ нами облаковъ, которые закрывали бы земной міръ: мы хорошо могли видѣть внизу все пространство на югъ и западъ до самой Македоніи. Оттуда аѳонская гора широко зеленою полосою тянется въ море десятки верстъ, пока наконецъ, не поднялась пирамидою до небесъ. По всей полосѣ въ горахъ и дѣсахъ бѣлѣются монастырскія обители великія и малыя; повсюду Божіе храмы, какъ жемчужины на узорахъ ленты. Мысленно и въ нихъ опять побывалъ. Иду еще разъ посмотрѣть на открытое море. Съ такой высоты какъ прекрасна даль мор-

скал! Нѣтъ, это надо видѣть, чтобы понять. Остается пожалѣть съ пѣвцомъ Аѳона, который говорить:

«Я рисовать тебя не смѣю,

Объ этихъ чудныхъ красотахъ

Сложить я пѣсни не умѣю:

Она замретъ въ моихъ устахъ.

Одно, одно лишь знаю вѣрно

Я о тебѣ, гора чудесь,

Что ты таинственна, безмѣрна

И не далеко отъ небесъ.

Я знаю, кто тобой владѣть,

Кому въ удѣль досталась ты:

Тебя хранитъ, тебя лелѣтъ

Царица горней высоты».

Къ 4 часамъ пополудни возвратились мы въ келліи о. Веніамина, а далѣе не могли идти: ноги подбились до крайняго изнеможенія. Оказывается, — подѣ гору на измученныхъ ногахъ сходить труднѣе, нежели восходить. О. Веніаминъ знаетъ эти немощи наши и сердечно пригласилъ остаться ночевать у него, «иначе, говорить, вы на дорогѣ гдѣ нибудь свалитесь». — На другой день мы не торожась, послѣ обѣдни, поползли далѣе съ горы. Въ 11 часовъ утра были уже на берегу у лодки своей и оживали въ морскихъ водахъ. На возвратномъ пути мы хорошо могли видѣть въ горахъ приморскія обители и тѣ отвѣстныя скалы Карули, гдѣ отшельники свили себѣ гнѣзда. Тутъ на пути замѣчательна одна громадная каменная глыба, которая сажень на 20 какъ бы откатилась въ море отъ береговой скалы и поднимается надъ водою сажени 3—4: вся она осыпана мелкой птицей — въ родѣ щуровъ, тогда какъ на материкѣ, богатомъ природою, во весь путь мы рѣдко встрѣчали и эту птичку. Домой (въ Пантелеимоновъ мон.) доѣхали мы скоро, благодаря напусу съ боковымъ вѣтромъ. Радны были, что къ наступающему воскресному дню мы — на мѣстѣ и могли принять участіе въ богослуженіи. Раннюю литургію соборне сами отслужили съ пѣвцами монастырскими, а въ позднюю молились въ Пантелеимоновскомъ

соборъ. Здѣсь, по приглашенію о. игумена, служили съ нимъ соборно акаѳистъ св. великомученику, раздѣляя чтеніе между собою. Это богослуженіе наше на Аѳонъ было послѣднимъ.

Къ 4 часамъ пополудни мы простились съ добрымъ о. игуменомъ, со всеѣмъ его любезнымъ братствомъ и въ баркасѣ отправились въ Дафну на греческій пароходъ, который держитъ путь въ Дарданеллы.

Слава Господу Богу и благодареніе наше всей Аѳонской братіи!— Я вѣрю, что Царица Неба хранитъ св. гору, какъ жребій свой. Вѣрно говоритъ пѣвецъ-поэтъ:

Она съ Аѳономъ неразлучна,

Аѳонъ всегда въ Ея очахъ.

И ликъ свой тамъ Она являетъ,

Бесѣдуетъ къ рабамъ своимъ,

Сама судьбы ихъ управляетъ

И одитъ надъ бытомъ ихъ земнымъ *).

ИНОЕПАРХІАЛЬНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Объ обязанностяхъ благочинныхъ въ отношеніи къ церковно-приходскимъ школамъ. По возбужденному однимъ благочиннымъ вопросу объ отношеніяхъ къ церковно-приходскимъ школамъ благочинныхъ, несостоящихъ въ должности наблюдателей, Новгородское епархіальное начальство объявило для свѣдѣнія и должнаго исполненія, что 1) оо. благочинные, какъ орга-

*) Банту неизвѣстнаго автора приобрѣлъ я въ книжной лавочкѣ на Аѳонѣ. Начинается она такъ:

Гора Аѳонъ, гора святая,

Не знаю я твоихъ красотъ,

И твоего земнаго рая,

И подь тобой шумящихъ водъ.

Я не видалъ твоей вершины,

Какъ шниль твой впили въ облака,

Какія на тебѣ картины,

Каковъ твой видъ издалека.

Авт.

(Продолженіе будетъ).